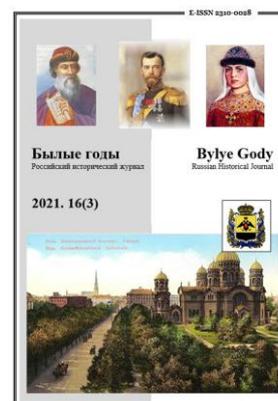

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1181-1190
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1181
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Cossacks in the Khiva Crusade of 1839–1840

Michail G. Tarasov ^{a, *}

^aSiberian federal university, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the participation of the Cossacks in the unsuccessful crusade of the Russian troops in the Khiva Khanate in 1839–1840. Organized and led by the Orenburg military governor, General V.A. Perovsky, the expedition was to ensure the elevation of a ruler loyal to Russia to the Khiva throne. Due to the specific conditions – the need to make huge transitions in the winter steppe, the main Russian detachment was cavalry units, most of them from the Ural and Orenburg Cossack troops. Incorrectly chosen time for the expedition, abnormally unfavorable weather conditions, as well as mistakes in the organization led to its failure. The death of the majority of pack and riding animals necessitated the termination of the campaign, and then the death of a significant proportion of its participants from cold and disease. In these circumstances, the Cossacks participating in the expedition showed themselves from the best side, actually preventing the death of the Russian detachment. The article discusses in detail the participation of the Cossacks in the preparation of the expedition, in particular in the organization of intermediate strongpoints. The composition of the Cossack units, their placement in marching columns and in parking lots, management, participation in hostilities, the implementation of military-police functions are considered in detail. Particular attention is paid to the analysis of the factors that contributed to the relatively successful actions of the Cossacks during the campaign, their effectiveness in resisting the extreme natural and climatic conditions of the campaign, the number and reasons for the relatively low mortality rate of the Cossacks during the expedition. The article, in particular, analyzes the features of the weapons and uniforms of the Cossacks, their combat tactics. Considerable attention is paid to the moral and psychological state of the Cossacks during the campaign.

Keywords: Cossacks, Kazakh steppe, reconnaissance, military expedition, Khiva crusade, Khiva Khanate.

1. Введение

Участие казачества в процессе присоединения к России территорий Центральной Азии в XVIII–XIX вв. во многом определило формы, методы, сроки и результаты этого процесса. Тот факт, что большая часть Центральной Азии вошла в состав России в указанный период, говорит об успешности этого процесса. Тем не менее в течение XVII–XIX вв. отдельные мероприятия, связанные с присоединением к России казахских степей и Средней Азии, имели неоднозначные результаты. Анализ именно этих мероприятий позволяет наиболее полно выявить место и роль казачества в процессе вхождения в состав Российской империи обширных территорий Центральной Азии. В первой половине XIX в. одним из наиболее заметных мероприятий, связанных с завоеванием региона, стала Хивинская экспедиция 1839–1840 гг., организованная и возглавляемая графом В.А. Перовским. В данной работе Хивинский поход рассматривается по следующим причинам:

- значительную долю военнослужащих, участвовавших в экспедиции В.А. Перовского, составляли уральские и оренбургские казаки;

* Corresponding author

E-mail addresses: tmg.nauka@yandex.ru (M.G. Tarasov)

- изучение Хивинского похода 1839–1840 гг. дает возможность проанализировать место и роль в нем казачьих формирований в сравнении с другими частями русской армии – регулярной кавалерией и пехотой;

- вклад казаков в Хивинский поход позволяет более полно оценить значение казачества вообще в процессе завоевания Средней Азии Россией во второй половине XIX в.

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками в данной работе являются воспоминания участников похода, в частности, достаточно объемные «Письма к друзьям из похода в Хиву» В.И. Даля (Даль, 1867а: 247-262; Даль, 1867б: 606-639), письма самого В.А. Перовского Н.В. Балхашину (Перовский, 1911: 149-190), записки участника похода Е.М. Косырева (Косырев, 1898: 539-602), а также анонимные записки офицера, участника похода, опубликованные в «Журнале для чтения воспитанниками военно-учебных заведений» в 1846 г. (Хивинский поход, 1846а: 187-204, Хивинский поход, 1846б: 279-292). Ценная информация, связанная с уральским казачеством времени Хивинского похода, содержится в этнографическом очерке В.И. Даля «Уральский казак» (Даль, 1986: 116-128), а также в работах дореволюционных историков М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии» (Терентьев, 2018) и И.Н. Захарьина (Якунина) «Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву» (Захарьин (Якунин), 1901). Особая ценность этих исторических источников в том, что писали их участники завоевания Средней Азии или использовали информацию, полученную от очевидцев Хивинского похода (Терентьев, 2018: 7-9; Захарьин, 1901: 81, 179).

2.2. Основной задачей статьи является оценка роли и значения казаков в Хивинском походе 1839–1840 гг. Автор, используя статистический метод, постарался установить долю казаков с учетом принадлежности к разным родам войск и казачьим войскам в составе экспедиции, общую численность казаков на разных этапах похода, количество потерь среди казаков в абсолютных цифрах относительно общей численности казаков и общей численности участников похода. Также проанализирована военная активность казаков, их участие в боевых столкновениях, обеспечении функционирования экспедиционного отряда, роль в хозяйственной деятельности и т.п. Кроме того, сделана попытка рассмотреть морально-психологическое состояние казаков во время экспедиции и влияние этого фактора на их положение в процессе и по завершении похода.

3. Обсуждение

Историография Хивинского похода 1839–1840 гг. достаточно обширна. Практически в любой работе, посвященной русскому завоеванию Средней Азии, определенное место отводится описанию этого события. Для данной статьи особый интерес представляет упоминание в подобных работах роли казачества в экспедиции. Одним из первых подробное описание и детальный анализ хивинского похода В.А. Перовского дал литератор, публицист и бывший военный И.Н. Захарьин в работе «Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 г. и Первое посольство в Хиву в 1842 г.» (Захарьин, 1898). В книге автор дает, хотя и в достаточно сжатом виде, описание подготовки и проведения экспедиции, высоко оценивая активное участие казаков на всех ее этапах. Спустя три года И.Н. Захарьин выпускает в свет расширенный вариант своей книги с более детальным описанием похода, и в частности показывает роль и место в нем уральских и оренбургских казаков (Захарьин (Якунин), 1901). Хотя автор этих работ не был профессиональным историком, его труд достаточно профессионален, так как он в молодости был вольнослушателем Московского университета и, что особенно важно, служил некоторое время армейским офицером.

Хивинский поход русской армии 1839 г. рассматривался в работе дореволюционного военного историка, генерал-лейтенанта М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», где автор детально описывает сам ход кампании и роль в ней казаков. Что особенно важно, М.А. Терентьев, хоть и не прямым текстом, но однозначно возлагая вину за неудачу похода на его организатора и руководителя генерала В.А. Перовского, дает высокую профессиональную оценку участвовавшим в походе казакам, не скрывая, впрочем, и некоторые присущие им недостатки (Терентьев, 2018).

Пристальное внимание участию уральских и оренбургских казаков в Хивинском походе уделяет Д.А. Сапунов в своей диссертации «Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России» (Сапунов, 2001). Автор считает, что «недостаток пищи, холод и болезни» были основными причинами неудачного похода. Однако при этом Д.А. Сапунов, опираясь на воспоминания участников и современников похода, высоко оценивает роль в нем казаков, заявляя, что они были «единственно стабильной опорой империи» в регионе (Сапунов, 2001: 85).

О Хивинской экспедиции В.А. Перовского кратко упоминается в коллективной монографии «Центральная Азия в составе Российской империи», авторы которой признают основными причинами неудачи похода «необычайно суровую и снежную зиму», приводят данные о высоких потерях русских войск, однако не акцентируют внимание на роли в походе казачества (Центральная Азия в составе Российской империи, 2008: 70).

Неудачный Хивинский поход кратко рассматривается в книге Е.А. Глущенко «Россия в Средней Азии». Автор традиционно приходит к выводу, что неудача похода кроется в неблагоприятных

климатических факторах, прежде всего обильных снегопадах, бескормице и падеже верблюдов и болезнях военнослужащих, также не выделяя как-либо значения казаков (Глуценко, 2010: 166-167).

В работе Д.В. Васильева «Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX в.» (Васильев, 2015) Хивинский поход 1839 г. рассматривается в рамках общей политики оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского по укреплению границ России в Средней Азии, куда относились и планы строительства новых укрепленных линий с казачьими гарнизонами (Васильев, 2015: 117-118).

Известный английский ученый и публицист П. Хопкирк в работе «Большая игра против России: Азиатский синдром» (Хопкирк, 2004: 107-108) также уделяет внимание Хивинскому походу В.А. Перовского в качестве одного из ходов «Большой игры», отмечая роль казаков в поиске путей продвижения, оценке кормовой и топливной базы территории, сложности продвижения в условиях высокого уровня снега и др. (Хопкирк, 2004: 108).

Хивинский поход упоминается в качестве неудачного эпизода продвижения России в глубь Средней Азии в работе казахского исследователя С. Акимбекова «Казахстан в Российской империи» (Акимбеков, 2018). Автор, признавая важное значение природного фактора в неудаче В.А. Перовского, тем не менее сравнивает его поход с Крымскими походами В.В. Голицына, очевидно, имея в виду их неподготовленность. Интересно, что С. Акимбеков признает, что условия зимней степи были особенно неблагоприятны именно для регулярных частей, а не для казачества (Акимбеков, 2018: 291).

В статье известного отечественного исследователя истории Центральной Азии Д.В. Васильева «Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря» рассматриваются отдельные вопросы установления торговых отношений с Хивой и противодействия негативному влиянию ханства на казахское население региона, использование военных и экономических методов для решения этих задач (Васильев, 2020).

Среди работ последнего времени следует упомянуть статью «Черкесское и центральноазиатское рабство: общее и особенное» С.Б. Зинковского, В.Ю. Малаховой, И.С. Денисова и Ю.Н. Макарова, в которой подвергается детальному анализу феномен захвата рабов из числа русского приграничного населения центральноазиатскими кочевниками в XIX в. Особый интерес данная статья представляет в связи с тем, что пресечение угона в рабство русских, проживавших на границе центральноазиатских степей было одним из основных побудительных причин организации Хивинской экспедиции (Zinkovskii et al., 2021).

4. Результаты

Военный поход в Хивинское ханство в 1839–1840 гг. был запланирован и реализован Оренбургским военным губернатором В.А. Перовским. Его результаты должны были не только стабилизировать ситуацию в Казахской степи, подконтрольной властям Оренбурга, но и способствовать окончательному установлению власти России на территории Младшего казахского жуза и в самом Хивинском ханстве.

Еще в мае 1839 г. для создания «складочных пунктов» – промежуточных баз снабжения – был отправлен в степь отряд полковника К.К. Геке (в 1845–1857 гг. – атаман Уральского казачьего войска) в составе 400 строевых солдат и двух сотен башкир при четырех орудиях (Терентьев, 2018: 156). Е.М. Косырев, однако, пишет о том, что в составе отряда Геке был «Второй оренбургский линейный батальон с небольшим числом уральских казаков» (Косырев, 1898: 540). Под прикрытием этого отряда был отправлен в степь отряд из 1,2 тыс. подвод. Дойдя до р. Эмба и оставив здесь обоз и большую часть отряда, К.К. Геке со взводом пехоты, посаженной на телеги и 400 башкирами при двух орудиях отправился выбирать место для создания складочного пункта и нашел его на р. Ак-Булак в урочище Чушка-Куль, где было достаточно воды, хотя и солоноватой, а также большое количество травы и для коней и верблюдов и камыша и кустарников для топлива (Хивинский поход, 1846а: 192). К 3 августа здесь было оборудовано земляное укрепление, накошено 25 тыс. пудов сена и заготовлено топливо из камыша, тростника и сломанных обозных телег (Терентьев, 2018: 156-162). Позднее по причине нездоровой воды и трудностей при переходе к базе на урочище Чушка-Куль было решено перенести базу в район впадения в р. Эмба правого притока р. Аты-Якши. Здесь укрепление было закончено к началу сентября, а также накошено сена до 20 тыс. пудов, что, однако, было недостаточно (Хивинский поход, 1846а: 192). Таким образом, базой для экспедиции стали сразу два укрепления – Ак-Булакское с гарнизоном в 399 человек и Эмбенское – с гарнизоном в 634 человека. Е.М. Косырев, впрочем, упоминает о казаках, оставленных в укреплениях, что позволяет говорить об их участии и в строительстве этих укреплений (Косырев, 1898: 540). Следует отметить, что, несмотря на общее лояльное поведение местного населения, в местности, где были построены укрепленные пункты и у Эмбенского укрепления, и у Ак-Булакского казаками были совершены угоны скота. От Эмбенского укрепления сначала, 22 августа, были отогнаны 398 лошадей, принадлежавших башкирам, правда 60 из них удалось отбить, а затем, 17 октября, еще 180 быков. От Ак-Булакского укрепления 29 сентября было угнано 32 лошади. М.А. Терентьев считает, что во всех случаях имело место «обычное у киргизов (казахов – Авт.) воровство», а не набеги (Терентьев, 2018: 165). С целью

прекращения угонов лошадей и скота полковник К.К. Геке, выйдя 30 октября 1839 г. из Эмбенского укрепления с 30 казаками и взводом пехоты, уже 1 ноября достиг аулы барантачей (угонщиков) и схватил 10 из них (Терентьев, 2018: 165). Однако естественная убыль людей и лошадей отряда была во много раз больше результатов внешнего воздействия. Среди башкирских возчиков и охраны обозов умерло 199 человек из-за дизентерии из 7 878 человек. Из 23 290 лошадей пало от сапа, было брошено, прирезано или утнано 8 869 голов, или 38 % (Терентьев, 2018: 165).

21 октября 1839 г. в Эмбенское укрепление был отправлен первый отряд из состава войск, предназначенных для похода в Хиву, – 357 нижних чинов при 4 орудиях и 1 128 верблюдах (Терентьев, 2018: 166).

Очевидно, что строительство этих укреплений на Эмбе и Ак-Булаке вызвало беспокойство властей Хивы, так как в том же 1839 г. из ханства прибыло посольство, с которым были возвращены 80 русских пленников, захваченных подданными хана или проданных на территории ханства казаками и туркменами (Терентьев, 2018: 144). Однако в том же году хивинцы и ориентированные на Хиву казахи и туркмены захватили еще 150 русских рыбаков на Каспийском море. В связи с этим М.А. Терентьев утверждает, что целью экспедиции было «понуждение» хана выдать всех русских пленников и «предоставить караванной торговле нашей полную свободу» (Терентьев, 2018: 144). Примечательно, однако, что в случае удачи экспедиции планировалось не только «освободить всех пленников и дать полную свободу нашей торговле», но и «сменить хана Хивы и заменить его надежным султаном кайсацким (казахским – Авт.) (Даль, 1867а: 247). Таковым был признан султан-правитель западной части Младшего жуза Баймухамед Айшуаков (Айчуваков). Перспектива занятия места хивинского хана казахским султаном должна была стимулировать участие в экспедиции казахов (Захарьин, 1901: 9). При русском ставленнике должна была остаться и русская воинская сила – отряд, который, очевидно, по условиям региона должен был состоять из казаков (Терентьев, 2018: 147).

Начать поход было решено осенью 1839 г. с тем, чтобы перейти безводную местность, используя лежащий в это время в пустыне и степи снег для обеспечения водой людей и вьючный транспорт – лошадей и верблюдов. Даже само передвижение по маршруту планировалось с учетом выпадения снега на разных его участках (Захарьин, 1901: 39). Состав военного отряда, предназначенного для Хивинского похода, был следующим: два полка, или 12 сотен уральских казаков; три сотни оренбургских казаков и башкир; конвойный дивизион 1-го Оренбургского полка или, по другим сведениям, сводный дивизион Уфимского конного полка. Всего кавалеристов было 1 721 «нижний чин» при 58 офицерах (Терентьев, 2018: 155). Е.М. Косырев говорит не об уфимском конном, а об уфимском казачьем полке, что, очевидно, является ошибкой (Косырев: 1898: 539). Если даже не считать уфимский конный полк казачьим, то и в этом случае в общей сложности казачьи части составляли 15 сотен из 17, или более 88 % общей численности кавалерии. Кроме того, уже в степи к отряду должны были присоединиться еще около 250 казахских всадников (Терентьев, 2018: 155). Пехотные части экспедиции состояли из 3½ или 4 линейных батальонов, в которых насчитывалось 2 983 солдата при 58 офицерах. Артиллерия отряда включала в себя два ¼-пудовых орудия конной артиллерии, два 6-фунтовых орудия казачьей конной артиллерии, два 12-фунтовых орудия, восемь 10-фунтовых орудия горной артиллерии, шесть 6-фунтовых мортир и два 1-фунтовых фальконета – всего 22 орудия. Кроме того, в составе артиллерии отряда было еще четыре пусковых установок для ракет Конгрива (Косырев, 1898: 539-540). К отряду были прикомандированы технические специалисты: пять офицеров-гальванеров, два офицера-понтона и 57 солдат для помощи им. Кроме того, в составе отряда было два офицера-морьяка, в подчинении которых было 64 уральских казака (Терентьев, 2018: 155). Штаб отряда состоял, помимо самого В.А. Перовского, из трех генералов (генерал-лейтенанта А.Е. Толмачева, генерал-майора В.П. Молоствовова, в будущем атамана Оренбургского казачьего войска (1840–1847), и генерал-майора С.Ф. Циолковского), четырех штаб-офицеров, 15 обер-офицеров, 10 классных чиновников, четырех медиков, трех переводчиков, одного аудитора и двух чиновников по особым поручениям (В.И. Даля и Н.В. Ханькова), одного священника, 34 унтер-офицеров, писарей и фельдшеров, а также 41 денщика. Таким образом, число сотрудников штаба и обслуживающего персонала насчитывало 108 человек. Всего, таким образом, в отряде В.А. Перовского было около 5 тыс. человек (Захарьин, 1901: 36). Основным транспортным средством экспедиции были вьючные верблюды, которых в ее начале насчитывалось 12 450 голов. Лошадей, верховых и вьючных было чуть более 2 тыс. голов (Захарьин, 1901: 44).

14 ноября 1839 г. войскам, собранным на площади г. Оренбурга, был объявлен приказ о начале похода в Хивинское ханство. После этого отряд выступил из города четырьмя колоннами последовательно 14–17 ноября (Даль, 1867а: 248). Е.М. Косырев упоминает 18 ноября как день начала похода (Косырев, 1898: 540). Начальниками колонн были: первой – генерал-майор С.Ф. Циолковский, второй – командир конно-казачьей артиллерийской бригады полковник Кузьминский, третьей – начальник 28 пехотной дивизии генерал-лейтенант А.Е. Толмачев, четвертой – генерал-майор В.П. Молоствов. В составе последней колонны двигался и начальник экспедиции генерал-адъютант В.А. Перовский. В случае необходимости в степи, особенно в районах возможного нападения хивинцев, В.А. Перовский передвигался между колоннами с конвоем из десяти оренбургских казаков – «одвуконь» (Захарьин, 1901: 156).

Каждая колона насчитывала около 4 тыс. верблюдов и занимала в ширину 120–250 шагов и в длину – 1200–1600 шагов. Сильные морозы, до 40 градусов Цельсия, сопровождавшие экспедицию с ноября 1839 г., глубокий снег с коркой льда способствовали сильному падежу верблюдов. Как правило, такой верблюд оставлялся на месте с вьюками. Шедшие в арьергарде каждой колонны казаки «смотрели на такие вьюки как на законную добычу», разбирая сухари, овес «по торбам», а упаковочные материалы – бочонки, мешки, веревки – на топливо. В конце движения к Хиве в связи с массовой гибелью верблюдов казаки даже не могли использовать все брошенное имущество и просто уничтожали его, чтобы не оставлять врагу (Захарьин, 1901: 148, 159). По мнению М.А. Терентьева, именно этот факт способствовал тому, что казаки «лучше других вынесли поход» (Терентьев, 2018: 168). Е.М. Косырев, впрочем, отмечает, что одним из главных факторов, благодаря которому казаки чувствовали себя в похода лучше кавалеристов регулярной конницы и солдат, заключалось в том, что они были лучше экипированы и, в частности, одеты в личные овчинные шубы и обуви в валенки, в то время как у солдат были сапоги и импровизированные «шубы», сшитые из «чебаги» – простеганной на холсте овечьей шерсти, скатывавшейся на ходу в клочковатый, со многими дырками, особенно в верхней части, войлок (Косырев, 1898: 539).

На ночлегах колонны устраивали прямоугольный по форме лагерь, для планирования которого вперед заранее высылались топографы, которые расставляли казаков для обозначения как внешних границ лагеря, так и для его главных частей внутри стоянки (Терентьев, 2018: 170). На стоянке тюки поклажи формировали стены лагеря – примерно 400 на 600 шагов. Внутри лагеря напротив его переднего фаса и прохода ставились кибитки (палатки) уральской казачьей сотни, причем коновязи казаков размещались сразу за кибитками. Справа и слева казаков размещались по одной роте пехоты. Напротив заднего фаса лагеря размещались перевозимые лодки, за ними – кибитки обслуживавших лодки экипажей, а за ними уже – кибитки уральских (гурьевских) казаков. Напротив правого фаса располагались два эскадрона уфимского полка, а за левым фасом – две сотни оренбургских казаков. В центре лагеря располагалась артиллерия, верблюды, торговцы и др. Таким образом, казачья конница располагалась по периметру лагеря во время ночных стоянок и обеспечивала его безопасность. Кроме того, казачья конница высылала дневные и ночные сторожевые разъезды и пикеты (Терентьев, 2018: 171).

24 ноября (В.И. Даль упоминает 25 ноября) колонны соединились у оз. Караванное, расположенное примерно в 45 верстах (47 км) от Оренбурга, где была назначена дневка (отдых в течение суток) (Даль, 1867а: 250). 27 ноября отряд выступил с места дневки последовательно четырьмя колоннами в 4–5 верстах друг за другом вверх по течению р. Илек. Начальником четвертой колонны вместо генерала В.П. Молодцова, очевидно, по причине его болезни был назначен полковник Н.А. Мансуров. Безопасность колонн при движении обеспечивали казаки, которые шли в авангарде и в арьергарде колонн обычно в составе полусотни или сотни. Казачьи отряды находились на расстоянии 1–2 верст от колонны и рассылали в сторону от движения колонны патрули на расстоянии $\frac{1}{4}$ –1 версты (Терентьев, 2018: 167).

Ввиду глубокого снежного покрова – до $1\frac{1}{2}$ аршина (около 1 м) – и низких температур отряд уже с конца ноября 1839 г. испытывал большие трудности при движении. Стала проявляться нехватка топлива. В качестве топлива по приказу В.А. Перовского стали использоваться везшиеся экспедицией лодки, повозки, запасные веревки, мешки и т.п. После того как эти источники сырья иссякли, участники экспедиции топорами вырубали из земли корни растений (Захарьин, 1901: 47). 27 ноября во время сильного мороза и бурана значительная часть лошадей одной из колонн рассеялась по степи и была потеряна (Захарьин, 1901: 44). 6 декабря была сделана дневка на р. Биш Тамак. Мороз достиг в этот день 40 градусов по Цельсию. 7 декабря, когда экспедиция только выступила в путь при температуре в 37,5 градусов по Цельсию, начался сильный буран, длившийся до следующего дня и заставивший остановиться и вновь стать на ночевку. С этого дня высокий снег стал составлять значительную проблему для отряда, особенно для пеших ее членов (Косырев, 1898: 541). Только 19 декабря экспедиция прибыла в Эмбенское укрепление. Таким образом, от Оренбурга до Эмбенского укрепления 472 версты (500 км) отряд шел 32 дня. Спокойная погода, без буранов была только 15 дней, и 13 дней, когда морозы были меньше 25 градусов Цельсия (Захарьин: 1901: 97). В Эмбенском укреплении экспедиция В.А. Перовского застала отряд уральских казаков полковника Ф.Г. Бизянова, прибывшего сюда еще 9 декабря из Калмыковской крепости Нижнеуральской линии. В Эмбенском укреплении В.А. Перовский принял решение ликвидировать Ак-Булакское или Чушка-Кульское укрепление по причине распространения среди гарнизона желудочных болезней, вызванных плохой водой и скученностью проживания нижних чинов в землянках, а также простудных болезней (Даль, 1867b: 361), при этом запасы и гарнизон взять с собой, а больных и ослабленных солдат и офицеров перевести в Эмбенское укрепление (Захарьин, 1901: 165). Для решения этой задачи еще за несколько дней до выхода экспедиции В.А. Перовского из Биш Тамака (9 декабря) туда был отправлен отряд под началом уральского казака штабс-капитана С.В. Ерофеева, состоявший из роты солдат – 140 человек и 70 казаков, из которых 40 было конных, а 30 пеших, чьи лошади были запряжены в сани. При отряде шел транспорт с продовольствием и фуражом из 230 верблюдов (Захарьин, 1901: 117).

Здесь следует упомянуть, что 18 декабря Ак-Булакское укрепление подверглось нападению 2–3 тыс. хивинцев и туркмен. Гарнизон укрепления под началом двух горных инженеров, капитана Ковалевского и поручика Гернгросса, ехавших в Бухарский эмират и случайно оказавшихся здесь, смог отбить нападение. Необходимо отметить, что из 294 военнослужащих, составлявших гарнизон Ак-Булака, 164 были больны. В течение 18 и 19 декабря хивинцы предприняли несколько попыток штурма укрепления, но были отбиты с большими потерями ружейным и артиллерийским огнем. Нападавшим даже не удалось сжечь запасы сена, размещенные вне укрепления (Захарьин, 1901: 112). 19 декабря, обнаружив приближение к Ак-Булаку отряда С.В. Ерофеева, в составе которого была сотня уральских казаков, хивинцы совершили нападение и на него (Косырев, 1898: 542-543). Остановившийся из-за начавшегося бурана в 17 верстах (18 км) от Ак-Булакского укрепления отряд, не ожидая нападения, не предпринял каких-либо мер предосторожности и только по случайности не был уничтожен во время первого натиска. Примечательно, что даже ружья у солдат были увязаны в обозе, и только казаки имели свое огнестрельное оружие при себе (Захарьин, 1908: 99). Хивинцы начали захватывать и грабить верблужий обоз, что позволило выстроить из тюков и саней укрепленный лагерь. Повторный натиск уже на сам отряд был отбит. Потеряв много людей и лошадей, хивинцы прекратили атаку. Попытки переманить на свою сторону вспомогательный персонал из единоверных им казахов и татар также закончился безуспешно. После этого отряд противника ушел в сторону Хивы. Позднее выяснилось, что отрядом хивинцев командовал сам кушбеги Хаким-бей – военный министр Хивы. В районе столкновения было найдено 36 тел хивинцев, количество увезенных тел и раненых неизвестно, однако всего из этого похода вернулось только 700 хивинцев. Многие люди и большинство лошадей погибло на обратном пути от холода и бескормицы. У русских потери составили пять человек убитыми и 13 ранеными, было убито 4 лошади и 17 верблюдов, угнана 31 лошадь и 41 верблюд (Даль, 1867а: 257; Захарьин, 1898: 125-126). В своем этнографическом очерке «Уральский казак» В.И. Даль описывает излюбленные методы ведения боевых действий уральцев. В частности, он говорит, что казаки предпочитали стрельбу из винтовки с сошек, фактически снайперскую стрельбу, и копейный бой. В то же время открытая фронтальная сабельная атака не приветствовалась (Даль, 1986: 121). Очевидно, что и в столкновении у Ак-Булакского укрепления казаками использовались традиционные методы ведения боевых действий. В частности, винтовочная стрельба из-за укрытий.

31 декабря 1839 г. в самом экспедиционном отряде В.А. Перовский с помощью казаков подавил бунт казаков – погонщиков верблюдов, отказавшихся следовать дальше. Было расстреляно два погонщика, после чего остальные вновь приступили к своим обязанностям (Даль, 1867а: 262). Захарьин, впрочем, пишет о трех расстрелянных погонщиках (Захарьин, 1901: 132).

Во время пребывания в Эмбенском укрепении В.А. Перовский получил сведения о том, что провиант, направленный на судах в Ново-Александровское укрепление, не был доставлен из-за неблагоприятной погоды – встречных ветров и раннего ледостава. Суда, подошедшие ближе к Ново-Александровску, были разгружены, и провиант удалось доставить в крепость по льду, но два судна, получившие повреждения, вынуждены были вернуться в Астрахань, бросив грузы в море, а несколько судов, вмерзшие в лед в 100 верстах (106 км) от Гурьева, были разграблены и сожжены казахами-адаевцами и туркменами (Терентьев, 2018: 180-181). И.Н. Захарьин, впрочем, говорит, что В.А. Перовский узнал о гибели судов только на обратном пути, в Сагатемирском лагере (Захарьин, 1901: 178). Тем не менее нехватка фуража и топлива в дальнейшем повлияла на решение В.А. Перовского о прекращении экспедиции и возврате русского отряда. К этому времени в Эмбенском укрепении значительная часть гарнизона уже была больна цингой и оспой. Также много больных было и в самом отряде Перовского (Терентьев, 2018: 182). Тем не менее, несмотря на значительные трудности, В.А. Перовский решил продолжить поход и 31 декабря выступил по направлению к Ак-Булакскому или Чушка-Кульскому укрепению. 31 декабря выступила первая колонна, а последняя, четвертая, выступила 16 января уже следующего, 1840 г. (Терентьев, 2018: 183-184). Глубокий снег до чрезвычайности затруднял движение отряда и способствовал массовому падежу верблюдов – основы транспорта экспедиции, несмотря на то, что нередко путь в снегу для них прокладывали с помощью казачьих лошадей (Захарьин, 1898: 137). По сведениям М.А. Терентьева, из Оренбурга отряд вышел на 10,4 тыс. верблюдах. Захарьин пишет о 12 450 верблюдах (Захарьин, 1898: 44). На Эмбенском укрепении годных к дальнейшему движению насчитывалось уже 8,9 тыс. животных, а на Ак-Булаке годными оказалось только 5 188. 160 верст (171 км), отделявших Ак-Булакское укрепление от Эмбенского укрепления, отряд прошел за 15 (!) дней, то есть немногим больше чем по 10 верст в день. Последние части прибыли в Ак-Булакское укрепление только 1 февраля 1840 г. (Захарьин, 1898: 161). Вообще, по сведениям И.Н. Захарьина, основной урон в верблюдах и начало массовой гибели военнослужащих начался на переходе от Эмбенского укрепления к Ак-Булакскому (Захарьин, 1898: 122). В укрепении весь гарнизон и даже прибывший сюда отряд уральского казачьего штабс-капитана (подъесаула) С.В. Ерофеева был поголовно болен цингой и дизентерией. Кроме того, здесь не было запасов сена, землянок было мало, а вода была с примесью слабительных солей (Даль, 1867а: 360). По прибытии в Ак-Булак В.А. Перовский отправил отряд из 150 уральских казаков при 3-фунтовом оружии под началом полковника Уральского

казачьего войска Ф.Г. Бизянова и главного топографа экспедиции генерального штаба штабс-капитана А.А. Рехенберга для поиска удобного места для восхождения на Устьурт. Пройдя в течение семи дней 120 верст (128 км) до Устьурта и еще 20 верст (21 км) по самому плато, вернувшийся Ф.Г. Бизянов сообщил, что снег по пути предполагаемого маршрута отряда настолько глубок, что затрудняет движение даже лошадей. Следов неприятеля разведчиками обнаружено не было (Захарьин, 1901: 156). Приняв во внимание все трудности дальнейшего продвижения экспедиции в глубь степи, 1 февраля 1840 г. В.А. Перовский принял решение возвращаться обратно в Оренбург, о чем он издал соответствующий приказ и сообщил в Санкт-Петербург письмом военному министру А.И. Чернышину (Захарьин, 1898: 157). 4 февраля первая колонна выступила из укрепления Ал-Булакского в Оренбург. Весь лишний груз, который нельзя было перевезти (порох, артиллерийские снаряды, сухой бульон в плитках, сухари, мука, якоря и др.), был уничтожен или закопан (Даль, 1867b: 369). Из укреплений и землянок были вынуты и сожжены все деревянные детали, а сами фортификационные сооружения и жилища Ак-Булакского укрепления перед уходом русских войск взорваны (Захарьин, 1901: 160). Интересно, что полковник Уральского казачьего войска Ф.Г. Бизянов предложил В.А. Перовскому самостоятельно продолжить движение на Хиву и решить поставленные перед экспедицией задачи силами только двух казачьих полков. Однако ввиду острой нехватки верблюдов, которых бы не хватило не только для перевозки необходимых грузов даже и для двух полков, но и в случае их отправки в Хиву – для возвращения остального отряда, от этой идеи пришлось отказаться (Даль, 1867b: 363). Обратный переход до Эмбенского укрепления занял только 10 дней, но и за это время пало и было брошено 1780 верблюдов, так что на Эмбу пришло только 1,3 тыс. верблюдов из 10,4 тыс. (12 450), вышедших в начале похода из Оренбурга. В результате часть грузов пришлось бросить, а остальную везти на казачьих лошадях. Казаки при этом были вынуждены идти пешком (Терентьев, 2018: 191). Следует отметить, что в самом Эмбенском укреплении, где гарнизон был заражен оспой и цингой, возвращавшиеся войска не остановились, а разместились лагерем в 30 верстах (32 км) на р. Сага-Темир и ручье Тегеле (Захарьин, 1898: 46). Здесь же была отпразднована масленица, причем наиболее активно, с разного рода народными играми и представлениями, ее отпраздновали казаки (Даль, 1867b: 367; Терентьев, 2018: 191). Это говорит не только об их хорошем физическом, но высоком моральном состоянии после столь неудачного похода. В своем письме Н.В. Балкашину от 26 декабря В.А. Перовский прямо пишет: «Касательно солдат нечего греха таить: едят как быки, а болеют и умирают как мухи; казаки совсем другое дело, здоровы и бодры» (Перовский, 1911: 154). Пишет о хорошей физической форме и блестящем моральном состоянии казаков даже в самое неблагоприятное время, когда не только вычный скот, но уже и люди, включая офицеров, массово гибли от тягот похода (Захарьин, 1901: 167).

Из Эмбенского укрепления на Оренбургскую линию первыми были отправлены больные офицеры и чиновники. Из воинских частей на линию 24 февраля был отправлен дивизион 1-го Оренбургского казачьего полка с 425 верблюдами. Дивизион прибыл в Ильинскую крепость, оставив по пути 226 верблюдов павшими или не способными к дальнейшему движению (Терентьев, 2018: 192). В письме Н.В. Балкашину от 29 февраля В.А. Перовский пишет «...Теперь от всех наших верблюдов [10–12 тыс. в начале похода – Авт.] из всего нашего отряда осталось не более 2 тыс. полумертвых» (Перовский, 1911: 160). И.Н. Захарьин говорит только о тысяче выживших верблюдов (Захарьин, 1901: 182). В.И. Даль в письме от 1 марта прямо пишет, что «осталась одна надежда – на казачьих лошадях» (Даль, 1867b: 367).

В начале марта 1840 г. для сбора верблюдов с тех казахских родов, которые уклонились от поставки животных для экспедиции В.А. Перовского, в степь был отправлен отряд султана Баймухамеда Айчувакова и штабс-капитана Рехенберга, состоявший из двух сотен уральских казаков (Терентьев, 2018: 194). В конце марта того же года султан Айчуваков с помощью приданного ему отряда уральских казаков, состоявшего уже из трех сотен при двух горных единорогах и возглавляемого полковником Ф.Г. Бизяновым, преследовал казахские роды, не желавшие давать верблюдов в экспедицию и уходившие на Устьурт (Захарьин, 1901: 182). 9 апреля отряд в составе 350 казаков при одном орудии переправился вплавь через разлившуюся р. Эмба, оставив обоз и для его охраны 150 казаков при одном орудии на правом берегу реки. Совершая усиленные переходы до 80 верст (85 км) в сутки, близ плато Устьурт казаки догоняют род череновцев. Оставив здесь 100 казаков для сбора верблюдов, Ф.Г. Бизянов с оставшимися 250 казаками поднимается на Устьурт, где после 60-верстного перехода у песков Сам настигает казахские роды ожерейцев и каракисяков. Те, однако, бросив часть имущества и скот, смогли уйти от погони, пользуясь усталостью казачьих лошадей и наступившей темнотой (Терентьев, 2018: 194). Вернувшись с полученными верблюдами к оставленному обозу, Ф.Г. Бизянов с объединенным отрядом пошел вниз по течению р. Эмба и после перехода в 80 верст у устья реки настиг казахский род адаевцев. Пользуясь внезапностью, Ф.Г. Бизянов разгромил казаков, причем было убито 450 адаевцев. Собрав и здесь верблюдов, Ф.Г. Бизянов отправил их с сопровождающей командой на р. Темир, а сам с остальными казаками направился к р. Урал, куда и прибыл 12 апреля в крепость Калмыковскую. Получив первых 850 верблюдов, собранных казаками, В.А. Перовский выступил из окрестностей Эмбенского укрепления в Оренбург 1 апреля 1840 г. с тяжелобольными и при конвое из 20 казаков (Терентьев,

2018: 194-195). И.Н. Захарьин, впрочем, пишет, что казачьими были только лошади, а всадниками были чудом уцелевшие из всего конно-регулярного полка 20 военнослужащих (Захарьин, 1901: 185). Отряд дошел за 12 дней до Уральской линии, после чего больные из его состава были размещены в оренбургской казачьей станице (крепости) Ильинской (Захарьин, 1901: 186). К 1 мая, получив еще 2180 верблюдов, собранных казаками, остатки отряда В.А. Перовского выступили двумя колоннами в Оренбург 18 мая, взорвав предварительно Эмбенское укрепление (Захарьин, 1901: 172). На р. Биш-Тамак от отряда отделились оренбургские казаки, а также 4 и 5 пехотные батальоны, которые направились через Орск по своим квартирам. Оставшийся отряд, который состоял из 2-го батальона и двух рот 1-го батальона, а также всей артиллерии пришел в Оренбург 8 июня 1840 г. (Терентьев, 2018: 195).

Говоря о потерях, следует отметить, что, несмотря на обеспечение хорошего питания, уже в лагере на р. Сага-Темир заболевания цингой даже усилилось, очевидно, по причине недостатка витаминов в питании во время похода и их отсутствия в рационе в лагере, где преобладала мясная пища. Всего в отряде и укреплениях умерло по 20 февраля 608 человек. Однако, как пишет В.И. Даль, если в пехоте переболел каждый второй, то среди оренбургских казаков только каждый третий, а среди уральских – только каждый 27 (!). Умерли же в пехоте один из 14, у оренбургских казаков – один из 30, а среди уральских казаков только один из 200 (Даль, 1867b: 369). В.И. Даль прямо пишет: «Уральцы – молодцы; их суют всюду, и всюду они успевают, и везде ими довольны» (Даль, 1867b: 357). Среди гарнизонов Эмбенского и Ак-Булакского укреплений доля заболевших и умерших была больше. Так, среди солдат один умерший приходился на 26 человек, а среди оренбургских казаков один умерший приходился на 68 человек. Таким образом, по подсчетам М.А. Терентьева, в пехоте заболело 1 725 человек, из которых умерло 246; у оренбургских казаков заболело 170, а умерло 17; у уральских казаков заболело 45 человек и умерло 6; в укреплениях число заболевших неизвестно, а умерших было 239 человек. Всего же заболевших было 1940 и умерших 498. Терехов, однако, отмечает, что в этот список не вошли оставленные больными и позднее скончавшиеся в Эмбенском укреплении и те, кто умер в течение первых шести месяцев после похода по причинам, вызванным участием в нем (Терентьев, 2018: 192). На фоне относительно невысокой смертности среди оренбургских казаков и очень низкой среди казаков уральских показательна практически полная гибель и военнослужащих, и лошадей элитного Конно-регулярного Уфимского полка. Отсутствие соответствующего климату и времени года обмундирования; лошади, непривычные к суровому центральноазиатскому климату, неумение их тебеньковать (выкапывать копытами траву из-под снега) привели к печальному итогу. От полка к концу похода осталось в живых только 20 человек (Захарьин, 1901: 48, 72). Один только этот факт может служить исчерпывающим доказательством эффективности тех или иных воинских формирований в борьбе за Центральную Азию.

5. Заключение

Хивинский поход 1839–1840 гг. был выдающимся событием в истории русского завоевания Средней Азии. Его результаты можно сравнить с результатами похода на Хиву А. Бековича-Черкасского в 1717 г., закончившегося полным уничтожением русского отряда. Тем не менее нельзя назвать поход 1839 г. полностью неудачным. Несмотря на то, что русские войска, в массе своей представленные казачьими частями, были вынуждены вернуться с полпути к цели по причине тяжелейших погодных условий – глубокого снега и сильных морозов, поход не закончился катастрофой. Все боестолкновения с хивинцами русских военных, и прежде всего казаков, неизменно заканчивались поражением кочевников. Значительный, если не решающий вклад в это внесли казаки. 17 сотен оренбургских и уральских казаков составляли около 30 % общей численности отряда или около 88 % кавалерии, принявшей участие в экспедиции. Во время похода казаки выполняли самые разнообразные задачи: участвовали в строительстве укреплений на пути предстоящей экспедиции, охраняли русский лагерь в походе и ее начальника В.А. Перовского при переезде его между колоннами русских войск, конвоировали обозы и собирали для него верблюдов у местного населения. Казаки выполняли роль военной полиции, усмиряя недовольство лаучей (казаков-погонщиков) и обеспечивали наказание прощтрафившихся участников похода. Кроме того, именно казаки участвовали в прямых столкновениях с хивинскими воинами и с честью выдержали их, нанеся врагу значительный урон. И в ходе продвижения к границам Хивы, и в ходе отступления казаки обеспечивали продвижение остальных русских частей, осуществляя разведку, прокладывая дорогу своими лошадьми в глубоком снегу, предоставляя коней для перевозки важных грузов, больных и раненых воинов. При этом казаки понесли во время похода самые низкие потери. В казачьих частях погибло чуть более одного процента участников похода (1,3), а среди пехотных, артиллерийских, саперных и штабных – почти 7 % (6, 9). Характерна почти полная гибель Уфимского конно-регулярного полка, хотя и не полного состава, от которого к концу похода осталось только 20 человек. Казаки, помимо всего, демонстрировали на всем протяжении похода высокий психологический настрой и готовность к продолжению боевых действий. Очевидно, что Хивинская экспедиция 1839–1840 гг. при всей неоднозначности ее результатов завершилась не так плачевно, как могла бы, только благодаря принявшим в ней участие казакам. Опыт, полученный русской армией в походе, и прежде всего казаками, был востребован военным руководством России при завоевании Средней Азии в 1840–1880-е гг.

Литература

- Акимбеков, 2018** – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований», 2018. 562 с.
- Васильев, 2015** – Васильев Д.В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX в. М.: ИБП, 2015. 303 с.
- Васильев, 2020** – Васильев Д.В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // *Вестник СПбГУ. История*. 2020. Т. 65. Вып. 7. С. 85-107.
- Глушенко, 2010** – Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010. 573 с.
- Даль, 1867a** – Даль В.И. Письма к друзьям из похода в Хиву // *Русский архив*. 1867. Т. 63. № 3. С. 247-262 (Ст. 402-431).
- Даль, 1867b** – Даль В.И. Письма к друзьям из похода в Хиву // *Русский архив*. 1867. № 4. С. 353-370 (Ст. 606-639).
- Даль, 1986** – Даль В.И. Уральский казак // Даль В.И. Кружевница: Повести, рассказы, очерки / Сост. В.И. Ермаков. Красноярск: Кн. изд-во, 1986. С. 116-128.
- Захарьин, 1898** – Захарьин И.Н. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 г. и Первое посольство в Хиву в 1842. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1898. 207 с.
- Захарьин, 1901** – Захарьин (Якунин) И.Н. Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1901. 347 с.
- Zinkovskii et al., 2021** – Zinkovskij S.B., Malahova V.Yu., Denisov I.S., Makarov Yu.N. Circassian and Central Asian slavery: general and special (on the example of cases of the return of Russian captives) // *Bylye Gody*. 2021. 16 (2): 689-698.
- Косырев, 1898** – Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // *Исторический вестник*. LXXIII, 1898. С. 539-602.
- Перовский, 1911** – Перовский В.А. Письма гр. В.А. Перовского к Н.В. Балкашину // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXIII. Оренбург: Типо-лит. т-ва «Каримов, Хусаинов и Ко», 1911. С. 149-190.
- Сапунов, 2001** – Сапунов Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России / Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2001. 255 с.
- Терентьев, 2018** – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3 томах. Т. 1. / Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели. Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. М.: АИРО-XXI, 2018. 544 с.
- Хивинский поход, 1843a** – Хивинский поход. Киргизские степи (Отрывок из дневника русского офицера, ноябрь 1839 года) // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. 1846. № 243. С. 187-204.
- Хивинский поход, 1843b** – Хивинский поход. Киргизские степи (Отрывок из дневника русского офицера, ноябрь 1839 года) // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. 1846. № 244. С. 279-292.
- Хопкирк, 2004** – Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004. 640 с.
- Центральная Азия, 2008** – Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

References

- Akimbekov, 2018** – Akimbekov, S. (2018). Kazakhstan v Rossiyskoy imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty. [in Russian]
- Central'naya Aziya, 2008** – Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii [Central Asia within the Russian Empire]. M. [in Russian]
- Dal', 1867a** – Dal', V.I. (1867). Pis'ma k druž'yam iz pohoda v Hivu [Letters to friends from a crusade to Khiva]. *Russkij arhiv*. 63(3): 247-262. (с. 402-431). [in Russian]
- Dal', 1867b** – Dal', V.I. (1867). Pis'ma k druž'yam iz pohoda v Hivu [Letters to friends from a crusade to Khiva]. *Russkij arhiv*. 63(4): 353-370. (с. 606-639). [in Russian]
- Dal', 1986** – Dal', V.I. (1986). Ural'skij kazak [Ural Cossack]. Dal' V. I. Kruzhevnica: Povesti, rasskazy, ocherki [The Lace Maker: Novellas, short stories, essays]. Krasnoyarsk. Pp. 116-128.
- Glushenko, 2010** – Glushchenko, Ye.A. (2010). Rossiya v Sredney Azii [Russia in Central Asia]. M. [in Russian]
- Hivinskij pohod, 1843a** – Hivinskij pohod. Kirgizskie stepi (Otryvok iz dnevnika russkogo oficera, noyabr' 1839 goda) [Khiva crusade. Kirghiz steppes (Excerpt from the diary of a Russian officer, November 1839)]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnyh zavedenij*. 1846, № 243, pp. 187-204. [in Russian]
- Hivinskij pohod, 1843b** – Hivinskij pohod. Kirgizskie stepi (Otryvok iz dnevnika russkogo oficera, noyabr' 1839 goda) [Khiva crusade. Kirghiz steppes (Excerpt from the diary of a Russian officer, November 1839)]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnyh zavedenij*. 1846, № 244, pp. 279-292. [in Russian]

- Hopkirk, 2004** – *Hopkirk, P.* (2004). Bol'shaya igra protiv Rossii: Aziatskiy sindrom [The Big Game against Russia: Asian Syndrome]. M. [in Russian]
- Kosyrev, 1898** – *Kosyrev, E.M.* (1898). Pohod v Hivu v 1839 g. (Iz zapisok uchastnika) (1898) [The crusade to Khiva in 1839 (From the notes of the participant)]. *Istoricheskij vestnik*. LXXIII. Pp. 539-602. [in Russian]
- Perovskij, 1911** – *Perovskij, V.A.* (1911). Pis'ma gr. V.A. Perovskogo k N.V. Balkashinu [Letters of count V.A. Perovsky to N.V. Balkashin]. Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii, Vyp. XXIII. Orenburg. pp. 149-190. [in Russian]
- Sapunov, 2001** – *Sapunov, D.A.* (2001). Uchastie kazachestva Urala i Sibiri v prisoedinenii Srednej Azii k Rossii [Participation of the Cossacks of the Urals and Siberia in the annexation of Central Asia to Russia]. Chelyabinsk. [in Russian]
- Terent'ev, 2018** – *Terent'ev, M.A.* (2018). Istoriya zavoevaniya Srednej Azii [History of the Conquest of Central Asia]. In 3 volumes. Vol. 1. M. [in Russian]
- Vasil'ev, 2015** – *Vasil'ev, D.V.* (2015). Forpost imperii. Administrativnaya politika Rossii v Central'noj Azii. Seredina XIX v. [Outpost of the empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Mid-19th century]. M. [in Russian]
- Vasil'ev, 2020** – *Vasil'ev, D.V.* (2020). Dualizm rossijskoj administracii na vostochnom beregu Kaspijskogo morya. [Dualism of the Russian administration on the eastern coast of the Caspian Sea]. *Vestnik SPbGU. Istoriya*. 65(7): 85-107. [in Russian]
- Zaharin, 1898** – *Zahar'in, I.N.* (1898). Zimnij pohod v Hivu Perovskogo v 1839 g. i Pervoe posol'stvo v Hivu v 1842. [Winter crusade to Khiva by Perovsky in 1839 and the First embassy in Khiva in 1842]. SPb. [in Russian]
- Zaharin, 1901** – *Zahar'in, I.N.* (1901). Graf V.A. Perovskij i ego zimnij pohod v Hivu [Count V.A. Perovsky and his winter trip to Khiva]. SPb. [in Russian]
- Zinkovskii et al., 2021** – *Zinkovskij, S.B., Malahova, V.Yu., Denisov, I.S., Makarov, Yu.N.* (2021). Circassian and Central Asian slavery: general and special (on the example of cases of the return of Russian captives). *Bylye Gody*. (2): 689-698.

Казачество в Хивинском походе 1839–1840 гг.

Михаил Георгиевич Тарасов^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена участию казаков в неудачном военном походе русских войск в Хивинское ханство 1839–1840 гг. Организованная и руководимая оренбургским военным губернатором генералом В.А. Перовским экспедиция должна была обеспечить возведение на хивинский престол лояльного России правителя. В связи со специфическими условиями – необходимостью осуществления огромных переходов в условиях зимней степи (основой русского отряда были кавалерийские части, в большинстве своем из состава Уральского и Оренбургского казачьих войск); неверно выбранным временем для проведения экспедиции; аномально неблагоприятными погодными условиями, а также ошибками в организации – привели к ее провалу. Гибель значительной доли участников от холода и болезней, большинства вьючных и верховых животных обусловили необходимость прекращения похода. В этих обстоятельствах участвовавшие в экспедиции казаки показали себя с наилучшей стороны, фактически предотвратив гибель русского отряда. В статье подробно рассматривается участие казаков в подготовке экспедиции, в частности в организации промежуточных опорных пунктов. Подробно описываются состав казачьих частей, их размещение в походных колоннах и на стоянках, управление, участие в боевых действиях, осуществление военно-полицейских функций. Особое внимание в статье уделяется анализу факторов, способствовавших относительно успешным действиям казаков во время похода, их эффективности в противостоянии экстремальным природно-климатическим условиям похода, количеству и причинам относительно невысокой смертности казаков в течение экспедиции. В статье, в частности, анализируются особенности вооружения и обмундирования казаков, их тактика ведения боя. Значительное внимание уделяется морально-психологическому состоянию казаков во время похода.

Ключевые слова: казачество, Казахская степь, рекогносцировка, военная экспедиция, Хивинский поход, Хивинское ханство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tmg.nauka@yandex.ru (М.Г. Тарасов)